

1. Вагина П. А. Заводы Южного Урала в 50-60-х гг. XVIII в: Дис....канд. ист. наук. Л., 1950. С. 1.
2. ПСЗ. Т. XIV. № 10244. С. 169.
3. Кашинцев Д. История металлургии Урала / Под ред. М. А. Павлова. М., Л., 1939.
4. ОГАЧО. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 10. Л. 40.
5. ОГАЧО. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.
6. ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д 886. Л. 14.
7. Любомиров П. Г. Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России. Л., 1937. С. 105.
8. РГАДА. Ф. Берг-коллегии. Кн. 340. Л. 6, 6 об.
9. Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII в.: Заводы и заводладельцы. М., 1962. С. 89.
10. ОГАЧО. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 28. Л. 23.
11. Черноухов А. В. Единственный в стране: (история завода). Свердловск, 1987.
12. Любомиров П. Г. Указ. соч. С. 182.

Булавин М.В.
(Нижний Тагил)

Религиозность уральских школьников на рубеже 1920–1930-х гг.

В течение минувших ста лет школа не раз оказывалась одним из центральных объектов религиозной политики государства. Любая смена официального курса в этом вопросе немедленно находила отражение в системе образования: советская эпоха началась с провозглашения отделения школы от церкви, в наши дни в обществе и правительственных кругах оживленно обсуждается вопрос о введении в систему школьного преподавания элементов религиозного воспитания.

Подобная взаимосвязь является глубоко закономерной – будучи одним из важнейших инструментов социализации личности, школа неизбежно воплощает государственный заказ в сфере идеологии. Государство всегда пристально следит за содержанием и направленностью образования школьников, так как по прошествии сравнительно недолгого срока они займут господствующие позиции в обществе. Внимание историка в этой связи привлекают «кризисные» эпизоды, когда заявленные цели государственной политики настороженно или враждебно встречаются значительной частью социума. Подобного рода коллизии как раз и были характерны для периода «великого перелома», когда официальный атеизм намеревался окончательно утвердиться в школьных стенах.

Стремясь добиться увеличения объемов антирелигиозной пропаганды в школе, партийно-государственные органы и руководство атеистического движения были заинтересованы, прежде всего, в точном определении уровня

религиозности учащихся. С этой целью в ряде уральских городов и сел в течение 1928 – 1929 гг. были проведены соответствующие обследования школьников, в ходе которых использовалось, в основном, сплошное анкетирование в определенных школах и группах (классах). Наиболее подробные их результаты нам известны применительно к Перми и Мотовилихе, Нижнему Тагилу, Первоуральску.

Необходимо отметить, что методика организации этих обследований позволяла получить результаты высокой степени достоверности. Через анкетный опрос пропускались все ученики, он проводился анонимно и, как правило, одновременно, «чтобы избежать внушения окружающих на ответы ученика» (1). В этом плане школа находилась в привилегированном положении. Господствовавший при опросах на предприятиях принцип добровольности возврата анкет не позволял получить надежные данные.

Полученные результаты оказались в значительной степени неожиданными и для профессиональных атеистов, и для школьных работников. До этого, в ходе повседневного наблюдения жизни школы у многих складывалось впечатление об небольшой значимости религии для учеников. Один из выступавших на Первом уральском областном съезде Союза безбожников свидетельствовал: «Если вы будете разговаривать с ребятами, начиная с самых младших групп, то у вас... может создаться впечатление, что вы разговариваете с маленькими безбожниками» (2). Однако после обработки анкет выяснилось, что по ряду школ и групп количество религиозно настроенных детей достигает 70 % (3). Даже в сравнительно «благополучной» Перми был выявлен 21 % школьников, которые сознательно верят в бога и исполняют религиозные обряды (4). Доля ребят, которых можно считать носителями неявной, латентной религиозности была, вне всякого сомнения, еще больше. Например, обследованием в Нижнем Тагиле обнаружено лишь 6 % детей, посещающих церковь, и 9 %, исполняющих религиозные обряды. Но при этом 44,7 % учеников признались, что «думают о боге и его святых» (5).

Полученные результаты вызвали серьезную обеспокоенность активистов атеистического движения. Обстановка в пермских школах комментировалась следующим образом: «Самое существенное... то, что 1/5 часть учеников советской школы... верует в бога и исполняет религиозные обряды без жалоб, без протестов, а, подчас, даже с удовольствием. Результат не дурной – для церковников» (6). Думается, однако, что серьезных оснований для паники не было. Согласно ориентировочным оценкам Антирелигиозной комиссии ЦК партии, в 1928 г. в стране насчитывалось не менее 80 % верующего населения – цифра, которая сегодня представляется даже несколько завышенной (7). Значительная масса школьников жила в условиях постоянного воздействия на них со стороны верующих членов семьи.

В этих условиях приходится удивляться, наоборот, большой скорости секуляризации в детской и молодежной среде. Во всяком случае, верующих

в массе школьников было заведомо и намного меньше, чем среди взрослого населения. Чрезмерно эмоциональная реакция на полученные результаты обследований объясняется во многом в корне неверным представлением тогдашнего антирелигиозного актива о закономерностях, скорости и конечных результатах процесса секуляризации общества.

Ситуацию, сложившуюся в уральской школе, нельзя охарактеризовать как победу религии над официальным атеизмом или, напротив, как окончательный и бесповоротный упадок религиозности. Речь должна идти о сложном переплетении различных тенденций, результате действия факторов разной природы и мощи. В частности, особенности самого школьного преподавания и всей жизнедеятельности школы в одних случаях содействовали подавлению религиозной веры в сознании учащихся, а в других – ее сохранению или даже актуализации.

Например, заметная научно-просветительская направленность преподавания в советской школе, безусловно, разрушала детскую религиозность, особенно при условии становления последней на основе наиболее архаических представлений, свойственных традиционной культуре. Пермские школьники часто описывали содержание религиозного воспитания в своих семьях следующим образом: «Мама меня водила в церковь и заставляла молиться богу, говоря, что богушко убьет громом или попадешь чертям в ад, которые будут вытягивать тебе язык каленой клюкой и будут жарить на сковородке»; или: «Жил я дома с бабушкой... она мне баяла – есть на небе бог. Загремит, бывало, гром, а она на ухо шепчет мне тихонько: «Слышь, Илья-пророк на карете ездит?» И застучало сердечко у меня – неужели в небе есть Илья?» (8).

Неудивительно, что в ответах на вопросы о причинах разрыва с религией ребята часто говорили о влиянии изучения школьных дисциплин и отдельных их разделов: «Когда я учился в младших группах, то я еще не твердо знал – есть или нет бог. Но когда стали проходить астрономию, то я стал твердо знать, что бога нет» (9).

С другой стороны, специфически антирелигиозная пропаганда на уроках, выходящая за рамки естественнонаучного просветительства, в конце 1920-х гг. все еще была редким явлением, а если и встречалась, то сплошь и рядом была малорезультативной. Причиной тому – низкая квалификация учительских кадров, неумение и боязнь касаться сложных мировоззренческих вопросов. Доже через несколько лет, по свидетельству представителя Урала в Центральном совете Союза воинствующих безбожников Козлова, мало что изменилось: «Начинается антирождественская кампания, антипасхальная кампания, педагоги начинают бегать к нам, говорят: дайте нам докладчика... зададут мне какой-либо вопрос, я не отвечу» (10).

Возникали и совершенно анекдотические ситуации. В 1929 г. несколько учеников школы-семилетки № 1 г. Свердловска обратились на радио с тре-

бованием «стукнуть аккордом по башке» учителя Сыромятникова, который рассказывал им «всякие сказки про богов и чертей». В результате разбирательства оказалось, что педагог пытался заниматься на уроках антирелигиозной пропагандой, но «дети, очевидно, не поняли назначения урока» (11). Чему содействовали подобные занятия – снижению уровня религиозности школьников или, напротив, его росту – сегодня сказать трудно.

Что же касается внеучебной воспитательной работы школы, то она совершенно однозначно была менее эффективной, чем влияние со стороны церкви и верующих родственников. Как известно, ребенок особенно чувствителен к эстетическому содержанию своей жизни, его психика требует включения в окружающую действительность красочного, необычного или прямо волшебного начала. И здесь возможности школы и церкви были несопоставимы. «И в самом деле, что мы даем детям? Концерты, аляповатые пьесы в дни религиозных праздников, надоевшие детям стихи и песни. Наши школы не могут конкурировать с церковью и внешним убранством, когда они большей частью неудобны, грязны» (12).

Следует помнить о том, что теория педагогики и практика воспитания в конце 1920-х – начале 1930-х гг. вовсе не способствовали вытеснению церковной обрядности и прочего «волшебства» из жизни ребенка за счет их вытеснения аналогичными светскими феноменами или «присвоения» официальной идеологией. До второй половины 1930-х гг. даже вполне безобидные народные и авторские волшебные сказки вульгарно и механистически оценивались в качестве «пережитков прошлого». В их отношении родителям давались такие рецепты: «Сказки с ведьмами мальчиками с пальчик, со всем чудесным, сверхъестественным должны быть изъяты из обихода ребенка» (13).

В итоге школа требовала упразднения рождественских и пасхальных подарков, вкусной, некаждодневной праздничной еды и, что особенно не по душе было детям, рождественских елок. Разумеется, все это удавалось плохо, и оставалось только сетовать: «Елку ребята не так охотно выживают из своего быта: свечи, побрякушки, подарки, зелень с приятным запахом леса сильно еще прельщают ребят» (14).

Воздействие религии на школьников, как мы уже видели, в основном осуществлялось через семью. Его длительность, постоянство, разнообразие, опора на сильные эмоции по отношению к близким родственникам оказывали в конечном итоге сильнейшее влияние на умонастроения ребят. Их мировоззренческие позиции изначально формировались в основном в русле тех взглядов, которые культивировались в семье. Отсюда – явная корреляция степени религиозности школьников и их социального происхождения.

Например, в Первоуральске церковь посещалась 46,2 % школьников, бывших детьми низкооплачиваемых рабочих, но только 35,7 % детей квалифицированных рабочих с высокой заработной платой и 9,1 % детей служа-

щих. Посещаемость храмов детьми кустарей и «нетрудового элемента» равнялась 100 % (15). В Нижнем Тагиле необходимость закрытия храмов категорически отвергли 6 % школьников из семей рабочих, в то время как противников закрытия церковей среди детей кустарей, пенсионеров и «нетрудового элемента» было, соответственно, 35 %, 44 % и 40 % (16).

Иногда ребенок оказывался в крайне противоречивой ситуации, когда школа и семья «растягивали» его сознание между противоположными мировоззренческими полюсами. Это приводило к серьезному внутреннему конфликту. Анкеты школьников содержали, например, такие жалобы: «Как тяжело жить, в школе говорят, что бога нет, а дома указывают, что он есть» (17). Правда, такие случаи были немногочисленны, так как жесткое принуждение к совершению религиозных обрядов было в целом нехарактерно даже для верующих семей.

Легко убедиться в том, что религиозная ситуация в уральской школе отражала общий сложный и противоречивый характер эпохи. С одной стороны, дети школьного возраста отошли от церкви дальше, чем любые другие группы общества. Но в то же время, попытки еще более форсировать этот процесс встречались с объективными и непреодолимыми на тот момент препятствиями. Практика показала, что идея превратить школу в «локомотив» антирелигиозного движения была явно неосуществимой. Падение религиозности школьников осуществлялось лишь по мере общей секуляризации советского общества. Несмотря на то, что уровень религиозных убеждений в молодежной среде был всегда ниже, чем в прочих социальных слоях, он, тем не менее, был связан с общими показателями и служил их верным индикатором.

Эти наблюдения представляются особенно актуальными для наших дней. Существует и становится все более влиятельным мнение о необходимости превратить школу в главный инструмент изменения религиозной атмосферы России. История, однако, свидетельствует о том, что этого не добиться без выраженного общественного консенсуса по главным мировоззренческим вопросам.

-
1. НТИА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 305. Л. 11.
 2. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 426. Л. 11.
 3. Там же. Л. 11.
 4. Сыренков Н. Религия и советский школьник // Просвещение на Урале. 1928. № 5. С. 15.
 5. НТИА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 305. Л. 14 об.
 6. Сыренков Н. Указ. соч. С. 15.
 7. РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 125. Л. 2.
 8. Сыренков Н. Указ. соч. С. 15.
 9. Там же. С. 19.
 10. ГАРФ. Ф. 5407. Оп. 1. Д. 102. Л. 117.
 11. Щепкин И. На штурм неба // Просвещение на Урале. 1929. № 7-8. С. 122.

12. Золотавин В. Антирелигиозное или безрелигиозное воспитание // Просвещение на Урале. 1928. № 9. С. 67.
13. Флеров И. Детская книга на антирелигиозном фронте // Антирелигиозник. 1929. № 2. С. 74.
14. Альбенский И. Антирелигиозное воспитание // Просвещение на Урале. 1929. № 3. С. 39.
15. Золотавин В. Указ. соч. С. 66.
16. НТИА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 305. Л. 14.
17. Там же. Л. 14 об.

Власов В.В.
(Донецк, Украина)
Клименко И.М.
(Екатеринбург)

Что такое Голодомор и откуда он появился

18 ноября 2006 г. Палата представителей конгресса США одобрила законопроект, разрешающий правительству Украины поставить в Вашингтоне памятник-мемориал жертвам голодомора на Украине в 1932-1933 годах. В результате голодомора в 1932-1933 годах на Украине, по оценкам современных украинских законодателей, погибли от семи до десяти миллионов человек или от 10% до 25% населения. Еще в 1986 г. конгресс США назначил специальную комиссию, которая расследовала причины голода и пришла к выводу, что действия советских властей могут приравняться к геноциду. Два года назад по инициативе тогдашнего правительства Украины более 30 государств мира, включая США и Россию, подписали в ООН совместное заявление, посвященное памяти погибших в результате голода. "В бывшем Советском Союзе миллионы мужчин, женщин и детей стали жертвами жестоких действий и политики тоталитарного режима. Голодомор - великий голод 1932-1933 годов на Украине унес жизни от семи до десяти миллионов ни в чем не виновных людей и стал национальной трагедией для украинского народа", - говорится в тексте заявления.

Автор идеи совершить политическую спекуляцию на трагедии украинского народа, наверное, останется неизвестным. Но история сохранит имя человека, который получил наибольшие дивиденды, насаждая эту спекуляцию на межгосударственном уровне. Это – президент Украины Виктор Ющенко. Именно благодаря его усилиям, при активнейшей поддержке правительства США, голод 1931-1933 годов, от которого пострадали не только украинцы, но и все население Советского Союза был объявлен целенаправленным геноцидом именно украинцев, именно по этническому признаку, а